

оригинальная статья

УДК 930(571.1/1/5)"1850/1917"

История Дальнего Востока России позднеимперского периода в освещении англо- и немецкоязычных исследователей

Денис А. Ананьев^{a, @, ID}^a Институт истории СО РАН, Россия, г. Новосибирск

@ denis.ananyev@gmail.com

ID <https://orcid.org/0000-0001-9448-8454>

Поступила в редакцию 20.08.2020. Принята к печати 02.10.2020.

Аннотация: В истории российского Дальнего Востока особое место занимает период, охватывающий вторую половину XIX – начало XX в. и отмеченный ускоренным развитием «восточной окраины» империи. Данная тема привлекала повышенный интерес западных исследователей, прежде всего, в Великобритании, США и Германии. Цель статьи – представить обзор работ англо- и немецкоязычных исследователей, опубликованных во второй половине XIX – начале XXI в. и посвященных истории Дальнего Востока России позднеимперского периода; выявить основные тенденции в изучении темы на Западе. Установлено, что со времени публикации первых работ, посвященных присоединению к России Приамурья и Приморья, в центре внимания англо- и немецкоязычных авторов находились не только внешнеполитические и военные аспекты «русской восточной экспансии», но и географические, демографические, социально-экономические факторы, определившие ход и итоги освоения Дальнего Востока. В последней трети XX в. западные специалисты также сосредоточились на изучении социокультурной проблематики, идеологических аспектов дальневосточной политики, специфики процессов межкультурного и межэтнического взаимодействия, меняющихся представлений о Дальневосточном регионе – как в России, так и за ее пределами. При всем разнообразии концепций, предложенных англо- и немецкоязычными исследователями, можно выделить две основные тенденции в освещении темы. Для большинства работ характерен акцент на геополитическом контексте, экспансионистских устремлениях России как одной из империалистических держав, участвовавших в разделе сфер влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Вместе с тем во многих исследованиях подчеркивается объективная потребность России в упрочении своих позиций на тихоокеанских рубежах, защите дальневосточных территорий, их заселении и хозяйственном освоении.

Ключевые слова: западная историография, Приамурье, Приморье, дальневосточная политика, социокультурные процессы, общественно-политические процессы

Для цитирования: Ананьев Д. А. История Дальнего Востока России позднеимперского периода в освещении англо- и немецкоязычных исследователей // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 4. С. 889–898. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-889-898>

Введение

В истории российского Дальнего Востока особое место занимает период, охватывающий вторую половину XIX – начало XX в. и отмеченный ускоренным развитием «восточной окраины» империи, активными усилиями государства по заселению и освоению, а также укреплению обороноспособности дальневосточных территорий в условиях острых столкновений империалистических держав в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В современной историографии отмечается, что исторический опыт освоения российского Дальнего Востока в дореволюционный период требует внимательного изучения и переосмысления, особенно в современной ситуации «экономического и социального неблагополучия» в регионе [1], нарастающих демографических и экологических проблем. Дореволюционная история Дальнего Востока России вызывала интерес не только у отечественных, но и зарубежных исследователей. На рубеже XIX–XX вв. успехи социально-экономического

и социокультурного развития региона отмечались публицистами и исследователями в Великобритании, США и Германии – крупнейших военных державах, обеспокоенных «русской экспансией» и преследовавших собственные интересы на Азиатском континенте и в северной части Тихого океана. Внимание западных специалистов не ослабевало и в дальнейшем, о чем свидетельствует довольно обширная историография, посвященная истории присоединения к России Приамурья и Приморья; анализу дальневосточной политики Российской империи накануне и во время русской-японской войны 1904–1905 гг. и Первой русской революции; изучению проблем социально-экономического развития Дальнего Востока России. Цель статьи – определить основные тенденции изучения англо- и немецкоязычными исследователями дореволюционной истории российского Дальнего Востока; оценить вклад указанных авторов в изучение темы.

Анализ исследовательской литературы показал, что во второй половине XIX – начале XX в. авторы специальных работ, посвященных российскому Дальнему Востоку позднеимперского периода (Э. Равенштейн [2], К. фон Цепелин [3], А. Краузе [4]), не были профессиональными историками. Их работы явились откликом на актуальные политические события и не претендовали на исчерпывающее освещение темы. Тем не менее указанным авторам удалось обозначить наиболее существенные проблемы, к которым обращались западные специалисты в дальнейшем. В фокусе их исследований находились причины и последствия экспансионистских устремлений России и других колониальных держав на Дальнем Востоке¹; проблемы управления дальневосточными территориями и перспективы их хозяйственного освоения.

Включение в состав империи Приамурья и Приморья

Характеризуя активные действия России на тихоокеанских рубежах в середине XIX в., указанные авторы рассматривали включение в состав империи Приамурья и Приморья в контексте международного (в основном российско-британского) соперничества. Так, по мнению британского журналиста А. Краузе, вопрос о влиянии в Азии фактически решался между славянами и англосаксами, а территориальную экспансию России он объяснял извечным стремлением русских получить «выход к морю» [4]. Примечательно, что такое объяснение причин «русской восточной экспансии» было созвучно не только теориям соотечественников А. Краузе (например, «отца геополитики» Х. Макиндера с его концепцией противостояния морских и континентальных держав) [5], но и тому идеологическому обоснованию дальневосточной политики империи, которое давалось в работах дореволюционных российских авторов – историков, путешественников, идеологов «восточничества» [6, с. 25–26].

В XX в. западные историки, как правило, не имели свободного доступа к документам, хранившимся в СССР, но активно использовали источники из архивов США, Европы, Китая, Японии. Заметный вклад в изучение темы внесли выходцы из России (А. А. Лобанов-Ростовский, А. Малоземов, М. Н. Павловский и др.), вводившие в научный оборот русскоязычные материалы.

Для работ англо- и немецкоязычных исследователей характерно разнообразие теоретико-методологических подходов и концепций. Объективистское понимание истории, стремление объяснить исторический процесс влиянием, прежде всего, географических, демографических, экономических факторов было присуще основателям американского сибиреведения Ф. Голдеру [7] и Р. Дж. Кернеру [8]. В своих исследованиях по истории «русской восточной экспансии», опубликованных в первой половине XX в., они использовали элементы теорий колонизации и колониализма;

воспроизводили тезис о стремлении к морю как важнейшем факторе «русской восточной экспансии» (что послужило поводом для обвинений Р. Дж. Кернера в «географическом детерминизме»); отмечали роль торговых интересов России в Азии и указывали на значение Приамурья как продовольственной базы, необходимой для успешного освоения Дальнего Востока. В 1950–1970-х гг. идеи Р. Дж. Кернера развивали его ученики и последователи – Т. Лин [9], Р. Пирс [10], Дж. Гибсон [11].

Изменения представлений русских о Дальнем Востоке, образы региона в восприятии современников и значение этих представлений для выработки конкретных политических решений послужили предметом специальных исследований, опубликованных в конце XX – начале XXI в. В работах американского историка М. Бассина и немецкой исследовательницы К. Вайсс, использовавших методы «новой культурной истории», анализировались проблемы «ментального картографирования», «ментальной интеграции» Приамурья и Приморья в общеимперское пространство, борьба националистической и имперской идеологий.

По мнению М. Бассина, представления русских о Дальнем Востоке формировались под воздействием двух тенденций, доминировавших в развитии общественной мысли и культуры России в середине XIX в. С одной стороны, происходило стремительное укрепление националистических настроений; с другой – еще более мощного и всеохватывающего оппозиционного течения, противостоявшего режиму Николая I [12]. Особое внимание историк уделяет истории научного изучения Приамурья, полагая связь между политикой и наукой универсальным феноменом. Ведущую роль в этом процессе играло Русское Географическое общество (РГО), по словам автора, превратившееся в условиях николаевской России в «убежище» для интеллектуалов, мечтавших о реформах и одновременно сочувствовавших националистическим идеям. В отличие от М. Бассина, К. Вайсс полагает, что научная и общественная деятельность РГО с самого начала служила не националистическим настроениям русской элиты, а имперским целям Российского государства, способствуя его территориальной и военной экспансии (с соответствующим научным подкреплением) [13].

Выясняя конкретные причины продвижения русских в Приамурье в середине XIX в., западные исследователи (А. Краузе, Т. Лин) указывали преимущественно на стремление русских найти удобную транспортную артерию, соединяющую Сибирь с Тихоокеанским побережьем. Военно-стратегическими причинами, необходимостью повышения обороноспособности и безопасности дальневосточных владений объясняли присоединение Приамурья Дж. Стефан [14], Дж. Грейнджер [15], А. Рат [16]. О необходимости расширения торговых связей и в целом о причинах экономического характера, связанных с задачами колонизации

¹ Именно так расценивали дальневосточную политику царского правительства указанные авторы, ставя Российскую империю в один ряд с колониальными державами Европы и явно недооценивая объективную потребность России в укреплении и защите своих тихоокеанских рубежей.

региона, писали М. Мэнколл [17], Г. Сэлисбери [18], Дж. Гибсон [11].

Впрочем, для большинства авторов характерно представление о ведущей роли политических мотивов, связанных с процессами имперской экспансии, упрочения позиций России на Дальнем Востоке (Д. Даллин [19], С. Пэйн [20] и др.). Давая общую оценку дальневосточной политики России и российско-китайских отношений в указанный исторический период, некоторые авторы исходили из представления о том, что решение «амурского вопроса» отвечало интересам обеих сторон, указывали на добрососедский и взаимовыгодный характер отношений между Российской и Цинской империями (А. А. Лобанов-Ростовский, М. Н. Павловский [21], М. Мэнколл). Однако для большинства авторов характерно представление о столкновении империалистических устремлений держав (в том числе России и Китая) в регионе; об агрессивной политике России, рассчитывавшей взять реванш за вынужденный уход из Приамурья в конце XVII в. и установить контроль едва ли не над всей территорией Маньчжурии (А. Краузе, К. фон Цепелин, Р. Дж. Кернер, Г. Сэлисбери, Р. Квестид [22]); о сопротивлении Китая, вынужденного уступить лишь в условиях нарастающей военной угрозы (П. Томпкинс [23], С. Пэйн).

В числе предпосылок, способствовавших продвижению русских в Приамурье, западные исследователи называли активное научное изучение региона; слабость Цинской империи, отсутствие с ее стороны серьезного сопротивления и военное превосходство России; активизацию европейских колониальных держав в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Некоторые западные историки (Т. Лин, Р. Квестид, Д. Ландграф [24], Дж. Стефан) поддержали выводы китайской историографии о том, что неблагоприятный для Китая исход переговоров с Россией был во многом связан с трудностями перевода и неверной интерпретацией ключевых положений, зафиксированных в дипломатических документах на русском, маньчжурском и китайском языках, чем сумела воспользоваться российская сторона.

В работах западных историков неизменно подчеркивается большое значение субъективного фактора, высоко оценивается роль различных участников «амурской эпопеи»: А. Ф. Миддендорфа (Д. Ландграф), Г. И. Невельского (А. А. Лобанов-Ростовский, А. Рат), Н. П. Игнатьева и даже канцлера А. М. Горчакова (Р. Квестид). В частности, излагая историю дипломатических миссий Е. В. Путятина и Н. П. Игнатьева, подготовку и подписание Айгунского, Тяньцзинского и Пекинского договоров 1858–1860 гг., английская исследовательница Р. Квестид объяснила успехи российской дипломатии не столько прозорливостью и мудростью Н. Н. Муравьева-Амурского, сколько эффективностью внешней политики, проводимой в тот исторический период канцлером А. М. Горчаковым и главой Азиатского департамента МИД Е. П. Ковалевским. Современный канадский историк А. Рат также не склонен ставить приращение Приамурья и Приморья в заслугу одному лишь генерал-губернатору Восточной Сибири. Историк

напоминает, что у того были влиятельные сторонники в столице (по определению автора, «лагерь экспансионистов», в который входили, например, Л. А. Перовский, А. С. Меншиков), энергичные и деятельные помощники в самой Сибири (в первую очередь Г. И. Невельской). Кроме того, «амурский» вектор дальневосточной политики был обозначен еще до назначения Н. Н. Муравьева, о чем свидетельствовали соответствующие заявления его предшественника в должности Восточно-Сибирского генерал-губернатора В. Я. Руперта.

Тем не менее для абсолютного большинства западных исследователей очевидно, что наиболее выдающуюся роль, при всех его противоречивых личных качествах, играл генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев-Амурский. Так, немецкий историк Д. Ландграф называет Н. Н. Муравьева «движущей силой» всего «амурского предприятия», характеризуя его как жесткого администратора и вместе с тем идеалиста, не стремившегося к обогащению; либерала, выступавшего за отмену крепостного права и покровительствовавшего ссыльным революционерам; как человека, ненавидевшего капиталистическую эксплуатацию и одновременно разделявшего идею «свободы торговли» и с симпатией относившегося к США.

Оценивая последствия закрепления за Россией Приамурья и Приморья, большинство указанных авторов сходятся во мнении, что столь обширные территориальные приобретения окончательно превратили Россию в тихоокеанскую державу; обусловили смену вектора ее дальневосточной политики – с северо-восточного направления на юго-восточное; способствовали дальнейшему обострению международных противоречий, что в итоге привело к русско-японской войне 1904–1905 гг.

Дальневосточная политика, осуществлявшаяся Российской империей на рубеже XIX–XX вв.

Не менее острый интерес западных авторов вызывала дальневосточная политика, осуществлявшаяся Российской империей на рубеже XIX–XX в. Отличительной чертой данной политики, по мнению исследователей, являлась нерасчлененность внешне- и внутривнутренних задач, а ее главным итогом – втягивание России в войну с Японией [6, с. 522]. Соответственно, любые изменения в системе управления, общественно-политического и социально-экономического развития Дальневосточного региона рассматривались исследователями (как отечественными, так и зарубежными) в контексте международной политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе, межгосударственных дипломатических контактов и военных конфликтов.

В 1950-х гг. американский историк А. Малоземов выделил две основные концепции, получившие наибольшее распространение в историографии первой половины XX в. и призванные объяснить причины русско-японской войны [25]. Первую концепцию А. Малоземов назвал *традиционной* и связал ее появление с работами японских историков начала XX в. [25, р. 318]. Приверженцы традиционной концепции

обвиняли в развязывании войны «ненасытный русский империализм» (таким образом, коллективная ответственность возлагалась на всю правящую верхушку), который, не довольствуясь незаконной оккупацией Маньчжурии, планировал проникновение в Корею под видом частного предприятия (в районе концессии на р. Ялу), во главе которого стоял наиболее влиятельный приближенный царя А. М. Безобразов. В англоязычной историографии влияние данной концепции заметно, например, в трудах первой трети XX в. американского исследователя Г. Б. Морзе [26; 27].

В дальнейшем западные исследователи, как правило, характеризовали дальневосточную политику самодержавия в рассматриваемый период как «империалистическую» и «агрессивную» (Д. Даллин, У. Лэнгер [28; 29], Н. Пеффер [30], И. Ниш [31], С. Пэйн, М. Ослин [32], Д. Гайер [33] и др.), нацеленную на экономическую и территориальную экспансию (одним из важнейших направлений которой было активное железнодорожное строительство). По мнению многих авторов, крупный военный конфликт в регионе являлся логическим и почти неизбежным следствием такой политики, а Япония была лишь «жертвой российской агрессии» (К. Крупински [34], Р. Валиант [35], Ф. Патрикеев, Г. Шукман [36], С. Пэйн, И. Ниш). Более объективной представляется позиция тех историков, кто писал не об особой агрессивности российской политики, а о столкновении в регионе интересов нескольких империалистических держав (В. А. Яхонтов [37], У. Лэнгер, С. Коткин [38], Дж. Ленсен [39], Д. Схиммельпеннинк ван дер Ойе [40] и др.).

Сторонники противоположной концепции (можно назвать ее *официальной российской* или, в терминологии А. Малоземова, *традиционной российской*) указывали на стремление России создать экономическое пространство, соединяющее Европу и Азию, не допуская захвата восточных территорий Англией и США [41; 42], а войну с Японией объясняли агрессивностью японского империализма. Всю ответственность за неудачи России на Дальнем Востоке такие авторы (А. А. Лобанов-Ростовский [43], Б. Самнер [44]) возлагали на членов «безобразовской шайки» и оправдывали царских министров (прежде всего, министра финансов С. Ю. Витте и военного министра А. Н. Куропаткина), которые якобы руководствовались исключительно благими побуждениями, действовали осторожно и поддерживали политический курс, предполагавший ослабление влияния России и даже частичный уход с Дальнего Востока.

Западные исследователи осветили широкий круг проблем, связанных с историей российского Дальнего Востока конца XIX – начала XX в. Активные действия России в Дальневосточном регионе в ряде работ (К. фон Цепелин, А. Малоземов, С. Маркс [45; 46], Р. Квестид, Дж. Стефан) объяснялись причинами военно-стратегического характера – в основном стремлением России защитить свои рубежи от возможного нападения со стороны Японии, Китая или

Британской империи. Политико-идеологические факторы (связанные с представлениями об исторической цивилизаторской миссии России в Азии, необходимости противостояния «желтой угрозе») рассматривали Д. Схиммельпеннинк ван дер Ойе, Дж. Маккензи [47], А. Малоземов. Об экономических причинах российской экспансии в регионе писали авторы, анализировавшие процессы «модернизации» и «политику мирного проникновения» С. Ю. Витте (Б. Самнер, А. А. Лобанов-Ростовский, Р. Квестид, Д. Гайер, Дж. Ленсен, А. Трудов [48], А. К. Дятлова [49] и др.).

Определяя круг лиц, причастных к выработке и реализации правительственного курса на Дальнем Востоке, западные исследователи по-разному оценивали их роль и степень ответственности за провал этой политики и военную катастрофу 1904–1905 гг. По замечанию немецкого историка Я. Кусбера, с конца 1903 г. будущее российской политики на Дальнем Востоке выглядело туманно, чему в немалой степени способствовало назначение адмирала Е. И. Алексеева наместником. С тех пор исследователи непрерывно искали главного виновника войны в конкурирующих лагерях, состав которых никогда не был четко определен. Я. Кусбер напоминает, что В. К. Плеве поддерживал А. М. Безобразова в борьбе с С. Ю. Витте, но возражал против расширения активности России на Дальнем Востоке; А. Н. Куропаткин выступал за оккупацию Маньчжурии, но был против концессии в Ялу. Сам Я. Кусбер призывает не идеализировать политический курс С. Ю. Витте, который в своих мемуарах «умело рисовал хотя и убедительную, но все же сильно приукрашенную картину»² [50].

Необходимо признать, что вслед за С. Ю. Витте многие историки называли главными виновниками обострения отношений с Японией А. М. Безобразова и его окружение, противопоставляя им более сдержанную и эффективную политику министра финансов или военного министра А. Н. Куропаткина (Д. Даллин, А. А. Лобанов-Ростовский, Б. Самнер, Дж. Маккензи и др.). В свою очередь «политику мирного проникновения» С. Ю. Витте подвергали критике У. Лэнгер, И. Ниш, Г. Шрам и др. Отмечая общий кризис системы управления, пагубно сказавшийся на развитии ситуации в регионе, ряд историков увязывают его с действиями Николая II (Дж. Ленсен [51]), царского наместника на Дальнем Востоке адмирала Е. И. Алексеева (Дж. Стефан) и военного министра А. Н. Куропаткина (К. Крупински, Дж. Маккензи).

По заключению Дж. Ленсена, решение о том, что Россия должна воспрепятствовать дальнейшей экспансии Японии, после долгих колебаний принял лично император Николай II. Заставив (при поддержке Франции и Германии) японское правительство отказаться от аннексии Ляодунского полуострова, а впоследствии оккупировав Маньчжурию, Россия оказалась на пороге войны с Японией уже в 1901 г. По мнению историка, в дальнейшем промедление

² Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

России с выводом войск из Маньчжурии было вызвано не стремлением руководства совершить некий дипломатический маневр, а обыкновенной нерешительностью, отсутствием согласованности в действиях различных ведомств, неразвитостью сети коммуникаций [51].

Одной из причин провала российской экспансии в Маньчжурии Б. Самнер называл исчезновение той прочной поддержки, которую ранее правительственному курсу оказывала значительная часть предпринимательских кругов и российская общественность в целом. После 1900 г., в условиях нарастающего экономического и внутривластного кризиса, царское правительство все чаще подвергалось критике за политику дальневосточной экспансии, расходование денег на строительство железных дорог и портов в Китае и недостаток внимания к собственным территориям – прежде всего, внутренним районам Сибири и российского Дальнего Востока.

Социокультурные процессы

Социокультурные процессы, обусловившие формирование «национальной» и «региональной идентичности», изучали Дж. Стефан [52], Ч. Й. Хсу [53], Д. Вулф [54], Ш. Коррадо [55]. Так, в центре внимания американской исследовательницы Шерил Коррадо оказались социокультурные процессы, связанные с изучением и освоением русскими острова Сахалин в 1849–1906 гг. По ее заключению, в Европейской России велся дискурс, в котором Сахалин занимал место «колониального Другого», показывая борьбу русского общества с его новой «имперской идентичностью» и «европейским модерном», в условиях которого эта идентичность сформировалась. Предмет исследования Д. Вулфа – история формирования российского анклава в Харбине. Автор, с одной стороны, показывает связь этого анклава с русским населением Приамурья (амурцами, существенно отличавшимися от населения Европейской России), с другой – подчеркивает уникальность его культуры, сочетавшей в себе азиатские и европейские черты.

Если Д. Вулф и Ш. Коррадо исследовали проблемы формирования «региональной идентичности» у сравнительно небольших и замкнутых сообществ Русской Маньчжурии и Сахалина, то Дж. Стефан в своей монографии анализирует социокультурные процессы в масштабах всего российского Дальнего Востока, указывая на неразрывную связь этих процессов, особенно на начальном этапе, с пробуждением «сибирского регионального сознания» во второй половине XIX в.

Общественно-политические процессы

Анализируя общественно-политические процессы, развернувшиеся в Дальневосточном регионе на рубеже XIX–XX вв., западные историки (Я. Кусбер, Дж. Стефан) к предпосылкам революционного взрыва 1905–1907 гг. относили рост забастовочного движения в рабочей среде; деятельность представителей леворадикальных политических партий, но вслед за Д. Гайером называли главным

рычагом революции неудачную войну с Японией и тяготы военного времени.

Я. Кусбер, заметивший, что «история мобилизации изучена значительно лучше, чем история демобилизации, хотя именно она в значительной мере определила исход Первой русской революции» [56, р. 282], анализировал причины и последствия участия солдат из различных подразделений Маньчжурской армии в революционных событиях 1905–1906 гг. в Сибири и на Дальнем Востоке [56]. Историк пришел к выводу, что восстания в Сибири и на Дальнем Востоке, хотя и довольно многочисленные, не могли иметь решающего значения для свержения самодержавия, поскольку происходили на периферии и всегда с задержкой во времени. Вместе с тем события 1917 г. показали, что солдаты усвоили опыт революционных восстаний 1905 г.

По мнению Дж. Стефана, в долгосрочной перспективе царские власти невольно подготовили Дальний Восток к революции. Финансируемые государством переселения после 1907 г. способствовали появлению в регионе тысяч бедных крестьян и батраков, которые не очень дорожили существующим порядком. В условиях начавшейся войны военная и трудовая мобилизация лишила регион более 500 тыс. жителей, что составляло примерно половину от всего сельского населения. Одновременный приток нескольких сотен тысяч беженцев из Украины и Прибалтийских губерний вместе с тысячами австро-венгерских и немецких военнопленных еще более ослабили социальный фундамент политической стабильности. Понимая, что все это открывает перед ними определенные возможности, развернули свою деятельность агитаторы из революционных партий, и события 1917 года доказали эффективность их усилий.

Социально-экономического развитие

Англо- и немецкоязычные специалисты, изучавшие проблемы социально-экономического развития Дальнего Востока в дореволюционный период, анализировали проблемы аграрной колонизации региона; миграционные процессы (в том числе миграции населения из сопредельных стран – Китая, Кореи, Японии); развитие дальневосточной торговли. К изучению аграрной колонизации Дальнего Востока обращались в первую очередь немецкоязычные исследователи. Если в начале XX в. они давали преимущественно негативную оценку ее итогам (К. Виденфельд [57], В. Клумберг [58]), то современные авторы (К. Шписс [59], А. Морич [60], Д. Ландграф и др.) придерживаются компромиссной позиции, признавая как достижения, так и проблемы переселенческого дела на Дальнем Востоке [61].

Особое внимание западные авторы уделяли истории штрафной колонизации Сахалина (Дж. Стефан [62], Д. Бир [63], Э. Гентес [64] и др.). Признавая определенный вклад ссыльных в экономическое и культурное развитие Сахалина, они в то же время указывали на противоречивость и двойственность правительственной политики, нацеленной одновременно на изоляцию и наказание преступников и хозяйственное освоение острова. По мнению западных историков,

хаотичные и малоэффективные действия властей во многом предопределили неудачу штрафной колонизации Сахалина.

Англоязычные исследователи акцентировали внимание на социокультурных и экологических аспектах хозяйственной деятельности переселенцев, проблемах взаимодействия представителей различных этносов (Л. Х. Сигельбаум [65]); стремились вписать экономику российского Дальнего Востока в международный контекст (Дж. Стефан, М. Сокольский [66]), подчеркивая значение геополитических факторов, иностранной конкуренции, международных экономических связей. Так, характеризуя миграционную политику властей, Л. Х. Сигельбаум подчеркивал, что «русское общество на Дальнем Востоке, связанное с остальными регионами империи одноколейным Транссибом, не могло выжить без большого количества китайских мигрантов», что подчеркивало «условный характер российской гегемонии в регионе» [65]. Соглашаясь с данным выводом, Дж. Стефан добавляет, что потребовалось еще несколько десятилетий и более жесткая идеология (уже в советский период), прежде чем удалось решить задачу, сформулированную в свое время генерал-губернатором Н. А. Гондатти – обеспечить на Дальнем Востоке подавляющее большинство

русского населения в противовес малочисленным азиатским диаспорам [52, р. 84].

Заключение

Англо- и немецкоязычные исследователи рассмотрели широкий круг вопросов, связанных с историей Дальневосточного региона второй половины XIX – начала XX в. При всем разнообразии концепций, предложенных англо- и немецкоязычными авторами, можно выделить две основные тенденции в освещении ими дореволюционной истории российского Дальнего Востока. Для большинства исследователей характерен акцент на изучении геополитического контекста, экспансионистских устремлений России как одной из империалистических держав, участвовавших в разделе сфер влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Вместе с тем во многих работах подчеркивается объективная потребность России в упрочении своих позиций на тихоокеанских рубежах, защите дальневосточных территорий, их заселении и хозяйственном освоении. Как представляется, выводы и оценки, сделанные западными авторами на основе изучения широкого круга источников из архивов России, США, стран Европы и Азии, заслуживают самого внимательного изучения отечественными специалистами.

Литература

1. Галлямова А. И. Дальний Восток в контексте государственной политики России на Тихом океане // Россия и АТР. 2012. № 4. С. 29–41.
2. Ravenstein E. G. Russians on the Amur: its discovery, conquer and colonization, with a description of the country, its inhabitants, productions, and commercial capabilities... London: Truebner and Co., 1861. 467 p.
3. Zepelin C. von. Der Ferne Osten, seine Geschichte, seine Entwicklung in der Neuesten Zeit, seine Lage nach dem Russisch-Japanischen Kriege. Berlin: Zuckschwerdt & Co., 1909. Bd. VIII. 183 S.
4. Krausse A. Russia in Asia: a record and a study, 1588–1899. London: G. Richards, 1899. 476 p.
5. Mackinder H. J. The geographical pivot of history // The Geographical Journal. 1904. Vol. 23. № 4. P. 421–437.
6. Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Омск. гос. ун-т, 2004. 548 с.
7. Golder F. Russian expansion on the Pacific, 1641–1850: an account of the earliest and later expeditions made by the Russians along the Pacific coast of Asia and North America, including some related expeditions to the Arctic regions. Cleveland: Kessinger Publishing, LLC, 1914. 384 p.
8. Kerner R. J. The urge to the sea: the course of Russian history. The role of rivers, portages, ostrogs, monasteries and furs. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1946. 212 p.
9. Lin T. C. The Amur frontier question between China and Russia, 1850–1860 // Pacific Historical Review. 1934. Vol. 3. № 1. P. 1–27.
10. Lantzeff G. V., Pierce R. A. Eastward to Empire. Exploration and conquest of the Russian open frontier to 1750. Montreal: McGill-Queens University Press, 1973. 276 p.
11. Gibson J. Russia on the Pacific: the role of the Amur // Canadian Geographer. 1968. Vol. XVII. № 1. P. 15–27.
12. Bassin M. Imperial visions: nationalist imagination and geographical expansion in the Russian Far East, 1840–1865. N. Y., Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 329 p.
13. Weiss C. Wie Sibirien "unser" wurde: Die Russische Geographische Gesellschaft und ihr Einfluss auf die Bilder und Vorstellungen von Sibirien im 19. Jahrhundert. Goettingen: V&R unipress, 2007. 261 S.
14. Stephan J. J. The Crimean war in the Far East // Modern Asian Studies. 1969. Vol. 3. № 3. P. 257–277.
15. Grainger J. D. The First Pacific War: Britain and Russia, 1854–1856. Woodbridge, UK: Boydell Press, 2008. 207 p.
16. Rath A. C. The Crimean war in imperial context, 1854–1856. N. Y.: Palgrave MacMillan, 2015. 301 p.
17. Mancall M. Major-general Ignatiev's mission to Peking, 1859–1860 // Papers on China. 1956. Vol. 10. P. 55–96.
18. Salisbury H. War between Russia and China. N. Y.: W. W. Norton & Company, 1969. 240 p.
19. Dallin D. J. The rise of Russia in Asia. New Haven: Yale University Press, 1949. 308 p.

20. Paine S. C. M. *Imperial rivals: China, Russia, and their disputed frontier*. Armonk, N. Y.: M. E. Sharpe, 1996. 417 p.
21. Pavlovsky M. N. *Chinese-Russian relations*. N. Y.: Philosophical Library, 1949. 194 p.
22. Quested R. K. I. *The expansion of Russia in East Asia, 1857–1860*. Kuala Lumpur: The University of Malaya Press, 1968. 339 p.
23. Tompkins P. *The American-Russian relations in the Far East*. N. Y.: The Macmillan Company, 1949. 426 p.
24. Landgraf D. *Amur, Ussuri, Sachalin: 1847–1917*. Neuried: Hieronymus, 1989. 956 p.
25. Malozemoff A. *Russian Far Eastern policy: 1881–1904, with special emphasis on the causes of the Russo-Japanese War*. Berkeley: University of California Press, 1958. 358 p.
26. Morse H. B., Macnair H. F. *Far Eastern international relations*. Boston, N. Y.: Houghton Mifflin, 1931. 846 p.
27. Дацышен В. Г. Российско-китайские отношения в 1881–1903 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2001. 350 с.
28. Langer W. L. *The diplomacy of imperialism, 1890–1902*. Harvard University. N. Y.: Alfred A. Knopf, 1935. Vol. I. 414 p.
29. Langer W. L. *The diplomacy of imperialism, 1890–1902*. Harvard University. N. Y.: Alfred A. Knopf, 1935. Vol. II. 797 p.
30. Pfeffer N. *The Far East, a modern history*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1968. 559 p.
31. Nish I. *The clash of two continental empires: the land war reconsidered // Rethinking the Russo-Japanese War, 1904–5*. Vol. 1: Centennial perspectives / ed. R. Kowner. Folkestone: Global Oriental Ltd, 2007. P. 65–77. DOI: 10.1163/ej.9781905246038.i-516.31
32. Auslin M. *Japanese strategy, geopolitics and the origins of the war // The Russo-Japanese war in global perspective*. World war zero / eds. J. W. Steinweg, B. Menning, D. Schimmelpenninck van der Oye, D. Wolff, S. Yokote. The Netherlands: Brill, 2005. Vol. I. P. 3–21.
33. Geyer D. *Der russische Imperialismus. Studien ueber den Zusammenhang von innerer und aeusserer Politik 1860–1914 (Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft. Bd. 27)*. Goettingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1977. 344 S.
34. Krupinski K. *Russland und Japan. Ihre Beziehungen bis zum Frieden von Portsmouth (Osteuropaeische Forschungen. Neue Folge. Bd. 27)*. Koenigsberg: Osteuropa-Verlag, 1940. 126 S.
35. Valliant R. B. *Japan and the Trans-Siberian railroad, 1885–1905*. PhD Diss. Honolulu: University of Hawaii, 1974. 336 p.
36. Patrikeeff F., Shukman H. *Railways and the Russo-Japanese war: Transporting war*. London, N. Y.: Routledge, 2007. 165 p.
37. Yakhontoff V. A. *Russia and the Soviet Union in the Far East*. N. Y.: Coward-McCann Inc., 1931. 454 p.
38. *Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East* / ed. S. Kotkin, D. Wolff. N. Y.: M. E. Sharpe Inc., 1995. 355 p.
39. Lensen G. A. *The Russian push toward Japan. Russo-Japanese relations, 1697–1875*. Princeton: Princeton University Press, 1959. 553 p.
40. Schimmelpenninck van der Oye D. *Toward the rising sun: Russian ideologies of empire and the path to war with Japan*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2001. 329 p.
41. Пименов П. С. *Внешняя политика России на Дальнем Востоке 1895–1905 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Тольятти, 2006. 205 с.*
42. Лукоянов И. В. «Не отстать от держав...»: Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб.: Нестор-История, 2008. 668 с.
43. Lobanov-Rostovsky A. *Russian imperialism in Asia. Its origin, evolution and character // Slavonic and East European Review*. 1929. Vol. 8. № 22. P. 28–47.
44. Sumner B. H. *Tsardom and imperialism in the Far East and Middle East, 1880–1914*. Raleigh lecture on history, British Academy, 1940. London: Humphrey Milford, 1940. 43 p.
45. Marks S. G. *Road to power: the Trans-Siberian railroad and the colonization of Asian Russia, 1850–1917*. London: I. B. Tauris and Co Ltd Publishers, 1991. 240 p.
46. Marks S. G. *The burden of the Far East: the Amur railroad question in Russia, 1906–1916 // Sibirica: the Journal of Siberian Studies*. 1993. Vol. 1. № 1. P. 9–28.
47. MacKenzie D. *Imperial dreams / Harsh realities: tsarist Russian foreign policy, 1815–1917*. N. Y.: Cengage Learning, 1994. 196 p.
48. Trudov A. *Taming the dragon: Russian imperial drive towards the Far East (mid. 16th century to 1905), its historical significance and consequences*. MA thesis. Honolulu: University of Hawaii, 2004.
49. Дятлова А. К. *Внешняя политика России на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв. в современной англо-американской историографии*. М.: РУСАЙНС, 2017. 128 с.
50. Kusber J. *Der russisch-japanische Krieg 1904–1905 in Publizistik und Historiographie: Anmerkungen zur Literatur ueber den "kleinen siegreichen Krieg" // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas*. 1994. Bd. 42. № 2. P. 217–234.
51. Lensen G. A. *Japan and Tsarist Russia – the Changing Relationships, 1875–1917 // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas*. 1962. Bd. 10. № 3. S. 337–348.
52. Stephan J. J. *The Russian Far East: a history*. Stanford: Stanford University Press, 1994. 482 p.
53. Hsu Ch. Y. *A Tale of two railroads: "Yellow Labor", agrarian colonization, and the making of Russianness at the Far Eastern Frontier, 1890s–1910s // Ab Imperio*. 2006. № 3. P. 217–253.

54. Wolff D. To the Harbin station. The liberal alternative in Russian Manchuria, 1898–1914. Stanford: Stanford University Press, 1999. 255 p.
55. Corrado Sh. M. The "End of the Earth": Sakhalin island in the Russian imperial imagination, 1849–1906. PhD Diss. Urbana: University of Illinois at Urbana-Champaign, 2010. 189 p.
56. Kusber J. Soldiers' unrest behind the front of the end of the war // Rethinking the Russo-Japanese War, 1904–5. Vol. 1: Centennial perspectives / ed. R. Kowner. Folkestone: Global Oriental Ltd, 2007. P. 281–290. DOI: 10.1163/ej.9781905246038.i-516.110
57. Wiedenfeld K. Die Sibirische Bahn in ihrer wirthschaftlichen Bedeutung. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 1900. 202 S.
58. Klumberg W. Die Kolonisation Russlands in Sibirien. PhD Diss. Zuerich: Gebr. Leemann, 1914. 124 S.
59. Spiess K. Periphere Sowjetwirtschaft. Das Beispiel Russisch-Fernost 1897–1970. Zuerich: Atlantis-Verlag, 1980. 200 S.
60. Moritsch A. Landwirtschaft und Agrarpolitik in Russland vor der Revolution. Wien-Koeln-Graz: Boehlau, 1986. 257 S.
61. Дорожкин А. Г. Переселенческая политика самодержавия и хозяйственное освоение Сибири и Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в. в освещении немецкоязычной историко-экономической литературы // Роль государства в хозяйственном и социокультурном развитии Азиатской России XVII – начала XX века: сб. мат-лов регион. науч. конф. Новосибирск: РИПЭЛ, 2007. С. 41–49.
62. Stephan J. J. Sakhalin. A history. Oxford: Clarendon Press, 1971. 240 p.
63. Beer D. The house of the dead: Siberian exile under the tsars. London: Penquine Books, 2017. 451 p.
64. Gentes A. A. No Kind of Liberal: Alexander II and the Sakhalin Penal Colony // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. 2008. Bd. 54. № 3. P. 321–344.
65. Siegelbaum L. H. Another "Yellow peril": Chinese migration in the Russian Far East and the Russian reaction before 1917 // Modern Asian Studies. 1978. Vol. 12. № 2. P. 307–330.
66. Sokolsky M. Taming tiger country: colonization and environment in the Russian Far East, 1860–1940. PhD Diss. The Ohio State University, 2016. 408 p.

original article

The History of the Russian Far East during the Late Imperial Period in the Works of English- and German-language Researchers

Denis A. Anan'ev^a, @, ID

^a Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Novosibirsk

@ denis.ananyev@gmail.com

ID <https://orcid.org/0000-0001-9448-8454>

Received 20.08.2020. Accepted 02.10.2020.

Abstract: The Russian Far East saw rapid development in the latter half of XIX – early XX centuries. The Eastern periphery of the Russian Empire attracted attention of foreign scientists. The objective of the present research was to analyze works published by American, British, and German researchers in the second half of XIX – early XXI centuries and devoted to the "late Imperial" history of the Russian Far East. Since the very first foreign publications on the history of accession of the Amur and Primorye regions, foreign studies focused not only on Russia's foreign policy and military aspects of its eastward expansion but also on the geographical, demographic, social, and economic factors of the colonization. In the late XX century, Western publications featured mostly intercultural, inter-ethnic, and sociocultural problems, as well as ideological aspects of state policy and the changing image of the Russian Far East. English- and German-language scholars offered a great variety of concepts; however, two main trends stood out quite clearly. Most researchers emphasized the impact of the geopolitical context and the role of Russia's expansionist policy, as the country fought for power in the Pacific Rim. However, some authors acknowledged Russia's objective necessity to strengthen its position on the Pacific coast, protect its Far Eastern territories, and develop their economy.

Keywords: Western historiography, Amur region, Primorye, Far Eastern politics, sociocultural processes, socio-political processes

For citation: Anan'ev D. A. The History of the Russian Far East during the Late Imperial Period in the Works of English- and German-language Researchers. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(4): 889–898. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-889-898>

References

1. Gallyamova L. I. Far East in the context of government policy of Russia in the Pacific. *Rossiia i ATR*, 2012, (4): 29–41. (In Russ.)
2. Ravenstein E. G. *Russians on the Amur: its discovery, conquer and colonization, with a description of the country, its inhabitants, productions, and commercial capabilities...* London: Truebner and Co., 1861, 467.
3. Zepelin C. von. *Der Ferne Osten, seine Geschichte, seine Entwicklung in der Neuesten Zeit, seine Lage nach dem Russisch-Japanischen Kriege*. Berlin: Zuckschwerdt & Co., 1909, Bd. VIII, 183.
4. Krausse A. *Russia in Asia: a record and a study, 1588–1899*. London: G. Richards, 1899, 476.
5. Mackinder H. J. The geographical pivot of history. *The Geographical Journal*, 1904, 23(4): 421–437.
6. Remnev A. V. *Russian Far East. Imperial geography of power in XIX – early XX centuries*. Omsk: Omsk. gos. un-t, 2004, 548. (In Russ.)
7. Golder F. *Russian expansion on the Pacific, 1641–1850: an account of the earliest and later expeditions made by the Russians along the Pacific coast of Asia and North America, including some related expeditions to the Arctic regions*. Cleveland: Kessinger Publishing, LLC, 1914, 384.
8. Kerner R. J. *The urge to the sea: the course of Russian history. The role of rivers, portages, ostrogs, monasteries and furs*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1946, 212.
9. Lin T. C. The Amur frontier question between China and Russia, 1850–1860. *Pacific Historical Review*, 1934, 3(1): 1–27.
10. Lantzeff G. V., Pierce R. A. *Eastward to Empire. Exploration and conquest of the Russian open frontier to 1750*. Montreal: McGill-Queens University Press, 1973, 276.
11. Gibson J. Russia on the Pacific: the role of the Amur. *Canadian Geographer*, 1968, XVII(1): 15–27.
12. Bassin M. Imperial visions: nationalist imagination and geographical expansion in the Russian Far East, 1840–1865. N. Y., Cambridge: Cambridge University Press, 1999, 329.
13. Weiss C. *Wie Sibirien "unser" wurde: Die Russische Geographische Gesellschaft und ihr Einfluss auf die Bilder und Vorstellungen von Sibirien im 19. Jahrhundert*. Goettingen: V&R unipress, 2007, 261.
14. Stephan J. J. The Crimean war in the Far East. *Modern Asian Studies*, 1969, 3(3): 257–277.
15. Grainger J. D. *The First Pacific War: Britain and Russia, 1854–1856*. Woodbridge, UK: Boydell Press, 2008, 207.
16. Rath A. C. *The Crimean war in imperial context, 1854–1856*. N. Y.: Palgrave MacMillan, 2015, 301.
17. Mancall M. Major-general Ignatiev's mission to Peking, 1859–1860. *Papers on China*. 1956, 10: 55–96.
18. Salisbury H. *War between Russia and China*. N. Y.: W. W. Norton & Company, 1969, 240.
19. Dallin D. J. *The rise of Russia in Asia*. New Haven: Yale University Press, 1949, 308.
20. Paine S. C. M. *Imperial rivals: China, Russia, and their disputed frontier*. Armonk, N. Y.: M. E. Sharpe, 1996, 417.
21. Pavlovsky M. N. *Chinese-Russian relations*. N. Y.: Philosophical Library, 1949, 194.
22. Quested R. K. I. *The expansion of Russia in East Asia, 1857–1860*. Kuala Lumpur: The University of Malaya Press, 1968, 339.
23. Tompkins P. *The American-Russian relations in the Far East*. N. Y.: The Macmillan Company, 1949, 426.
24. Landgraf D. *Amur, Ussuri, Sachalin: 1847–1917*. Neuried: Hieronymus, 1989, 956.
25. Malozemoff A. *Russian Far Eastern policy: 1881–1904, with special emphasis on the causes of the Russo-Japanese War*. Berkeley: University of California Press, 1958, 358.
26. Morse H. B., Macnair H. F. *Far Eastern international relations*. Boston, N. Y.: Houghton Mifflin, 1931, 846.
27. Datsyshen V. G. *Russian-Chinese Relations in 1881–1903*. Dr. Hist. Sci. Diss. Irkutsk, 2001, 350. (In Russ.)
28. Langer W. L. *The diplomacy of imperialism, 1890–1902*. Harvard University. N. Y.: Alfred A. Knopf, 1935, vol. I, 414.
29. Langer W. L. *The diplomacy of imperialism, 1890–1902*. Harvard University. N. Y.: Alfred A. Knopf, 1935, vol. II, 797.
30. Peffer N. *The Far East, a modern history*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1968, 559.
31. Nish I. The clash of two continental empires: the land war reconsidered. *Rethinking the Russo-Japanese War, 1904–5. Vol. 1: Centennial perspectives*, ed. Kowner R. Folkestone: Global Oriental Ltd, 2007, 65–77. DOI: 10.1163/ej.9781905246038.i-516.31
32. Auslin M. Japanese strategy, geopolitics and the origins of the war. *The Russo-Japanese war in global perspective. World war zero*, eds. Steinweg J. W., Menning B., Schimmelpenninck van der Oye D., Wolff D., Yokote S. The Netherlands: Brill, 2005, vol. I, 3–21.
33. Geyer D. *Der russische Imperialismus. Studien ueber den Zusammenhang von innerer und aeußerer Politik 1860–1914 (Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft. Bd. 27)*. Goettingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1977, 344.
34. Krupinski K. *Russland und Japan. Ihre Beziehungen bis zum Frieden von Portsmouth (Osteuropäische Forschungen. Neue Folge. Bd. 27)*. Koenigsberg: Osteuropa-Verlag, 1940, 126.
35. Valliant R. B. *Japan and the Trans-Siberian railroad, 1885–1905*. PhD Diss. Honolulu: University of Hawaii, 1974, 336.
36. Patrikeeff F., Shukman H. *Railways and the Russo-Japanese war: Transporting war*. London, N. Y.: Routledge, 2007, 165.
37. Yakhontoff V. A. *Russia and the Soviet Union in the Far East*. N. Y.: Coward-McCann Inc., 1931, 454.
38. *Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East*, eds. Kotkin S., Wolff D. N. Y.: M. E. Sharpe Inc., 1995, 355.

39. Lensen G. A. *The Russian push toward Japan. Russo-Japanese relations, 1697–1875*. Princeton: Princeton University Press, 1959, 553.
40. Schimmelpenninck van der Oye D. *Toward the rising sun: Russian ideologies of empire and the path to war with Japan*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2001, 329.
41. Pimenov P. S. *Russian foreign policy in the Far East, 1895–1905*. Cand. Hist. Sci. Diss. Tolyatti, 2006, 205. (In Russ.)
42. Lukoyanov I. V. "Not to lag behind other powers...": Russia in the Far East in the late XIX – early XX centuries. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2008, 668. (In Russ.)
43. Lobanov-Rostovsky A. Russian imperialism in Asia. Its origin, evolution and character. *Slavonic and East European Review*, 1929, 8(22): 28–47.
44. Sumner B. H. *Tsardom and imperialism in the Far East and Middle East, 1880–1914*. Raleigh lecture on history, British Academy, 1940. London: Humphrey Milford, 1940, 43.
45. Marks S. G. *Road to power: the Trans-Siberian railroad and the colonization of Asian Russia, 1850–1917*. London: I. B. Tauris and Co Ltd Publishers, 1991, 240.
46. Marks S. G. The burden of the Far East: the Amur railroad question in Russia, 1906–1916. *Sibirica: the Journal of Siberian Studies*, 1993, 1(1): 9–28.
47. MacKenzie D. *Imperial dreams / Harsh realities: tsarist Russian foreign policy, 1815–1917*. N. Y.: Cengage Learning, 1994, 196.
48. Trudov A. *Taming the dragon: Russian imperial drive towards the Far East (mid. 16th century to 1905), its historical significance and consequences*. MA thesis. Honolulu: University of Hawaii, 2004.
49. Dyatlova A. K. *Russian foreign policy in the Far East at the turn of the XIX–XX centuries in modern English and American historiography*. Moscow: RUSAINS, 2017, 128. (In Russ.)
50. Kusber J. Der russisch-japanische Krieg 1904–1905 in Publizistik und Historiographie: Anmerkungen zur Literatur ueber den "kleinen siegreichen Krieg". *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas*, 1994, 42(2): 217–234.
51. Lensen G. A. Japan and Tsarist Russia – the Changing Relationships, 1875–1917. *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas*, 1962, 10(3): 337–348.
52. Stephan J. J. *The Russian Far East: a history*. Stanford: Stanford University Press, 1994, 482.
53. Hsu Ch. Y. A Tale of two railroads: "Yellow Labor", agrarian colonization, and the making of Russianness at the Far Eastern Frontier, 1890s–1910s. *Ab Imperio*, 2006, (3): 217–253.
54. Wolff D. *To the Harbin station. The liberal alternative in Russian Manchuria, 1898–1914*. Stanford: Stanford University Press, 1999, 255.
55. Corrado Sh. M. *The "End of the Earth": Sakhalin island in the Russian imperial imagination, 1849–1906*. PhD Diss. Urbana: University of Illinois at Urbana-Champaign, 2010, 189.
56. Kusber J. Soldiers' unrest behind the front of the end of the war. *Rethinking the Russo-Japanese War, 1904–5. Vol. 1: Centennial perspectives*, ed. Kowner R. Folkestone: Global Oriental Ltd, 2007, 281–290. DOI: 10.1163/ej.9781905246038.i-516.110
57. Wiedenfeld K. *Die Sibirische Bahn in ihrer wirthschaftlichen Bedeutung*. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 1900, 202.
58. Klumberg W. *Die Kolonisation Russlands in Sibirien*. PhD Diss. Zuerich: Gebr. Leemann, 1914, 124.
59. Spiess K. *Periphere Sowjetwirtschaft. Das Beispiel Russisch-Fernost 1897–1970*. Zuerich: Atlantis-Verlag, 1980, 200.
60. Moritsch A. *Landwirtschaft und Agrarpolitik in Russland vor der Revolution*. Wien-Koeln-Graz: Boehlau, 1986, 257.
61. Dorozhkin A. G. Resettlement policy of autocracy and economic development of Siberia and Far East in the late XIX – early XX centuries in German-language historical and economic literature. *The role of the state in the economic and sociocultural development of Asian Russia in XVII – early XX centuries*. Proc. Region. Sci. Conf. Novosibirsk: RIPEL, 2007, 41–49. (In Russ.)
62. Stephan J. J. *Sakhalin. A history*. Oxford: Clarendon Press, 1971, 240.
63. Beer D. *The house of the dead: Siberian exile under the tsars*. London: Penquine Books, 2017, 451.
64. Gentes A. A. No Kind of Liberal: Alexander II and the Sakhalin Penal Colony. *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas*, 2008, 54(3): 321–344.
65. Siegelbaum L. H. Another "Yellow peril": Chinese migration in the Russian Far East and the Russian reaction before 1917. *Modern Asian Studies*, 1978, 12(2): 307–330.
66. Sokolsky M. *Taming tiger country: colonization and environment in the Russian Far East, 1860–1940*. PhD Diss. The Ohio State University, 2016, 408.